

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 811.16+81'367.625.4

И. С. Изотова

Рефлексы праславянских инфинитивов типа *pěktēi, *mōgtēi: Об одной чехословацко-восточнославянской изоглоссе

Как показывают приведенные в статье данные, обращение к диалектному материалу позволяет учесть результаты ряда не нашедших отражения в соответствующих литературных славянских языках процессов и построить изоглоссу, объединяющую восточнославянский языковой массив с частью массива западнославянского, то есть диалекты, разошедшиеся более тысячи лет назад. Русские диалекты демонстрируют все возможные варианты рефлексов финалей праславянских инфинитивов типа *pěktēi, *mōgtēi.

Ключевые слова: инфинитив, литературный язык, диалект, русский язык, белорусский язык, украинский язык, чешский язык, словацкий язык.

Развитие и становление современных литературных языков проходит на фоне диалектных, наддиалектных и прочих внелитературных разновидностей национальных языков. При безусловном национальном своеобразии и специфике протекания основных языковых процессов постоянно регистрируются различные реализации многих глубинных одинаковых тенденций, характеризующих родственные языки на современном этапе их существования.

В качестве иллюстрации можно взять пример с группой русских инфинитивов на *-чь* и соответствующих им форм в других славянских языках.

Современный русский литературный язык последовательно представляет восточнославянские результаты изменения задненебных, происшедшего в группах **-kt'*-, **-gt'*-: везде закономерно имеем формы типа *печь, течь, лечь, беречь*. По данным памятников письменности, в русском языке глагольные основы на задненебные оказались исторически более инертными и не пережили заметных изменений, что резко отличает русский язык от других славянских.

В то же время, как показывают материалы русской диалектологии (см., например, [12, с. 89]) и исторической грамматики русского языка (см. [22, с. 268]), русские диалектные формы далеко не всегда совпадают с литературной нормой. Инфинитивы, соответствующие русским литературным формам на *-чь*, по говорам (особо следует отметить севернорусские говоры, см., например, [15, с. 183—188; 6, с. 74]) представляют собой весьма разнородную картину; помимо типов, совпадающих с литературными вариантами, встречаются также следующие:

- а) *пеци, сеци, леци, моци, береци* и т.п.;
- б) *петсьи, летсьи, мотсьи* и т.п.;
- в) *пецы, талцы* и т.п.;
- г) *печчи, сеччи, леччи, моччи* и т.п.;
- д) *петчи, летчи, мотчи, беретчи, сжетчи* и т.п.;
- е) *печти, течти, мочти* и т.п.;
- ж) *пекчи, текчи, легчи, могчи* и т.п.;
- з) *пекци, секци, текци, жегци, береци* и т.п.;
- и) *пекти, отсекти, волокты, утекти, могты, сберегти* и т.п.

© Изотова И. С., 2015

Причины «отклонения от нормы» могут заключаться в следующем: **вариант а)** севернорусское цоканье с мягким *ц'*; **вариант б)** то же цоканье с утрированно мягким *ц'*, распавшимся на простые составляющие *т'* и *с'*; **вариант в)** севернорусское цоканье с твердым *ц*; **вариант г)** удвоение специфического показателя инфинитива *-чь* (и его разновидности *-чи*, этимологически первоначальной), ср. аналогичное явление среди глаголов на *-ти*: *идтить*, *запропасться*; **вариант д)** разновидность варианта **г)** с упрощением группы согласных, где фактически на месте двух аффрикат *ч'ч'* произносится одна «долгая» [ч̣]; **вариант е)** присоединение к форме инфинитива на *-чь* дополнительного показателя инфинитива *-ти*; **вариант ж)** «восстановление» корневого заднеязычного [к] или [г] перед *-чи*, воспринимаемым как «окончание», аналогичное «окончанию» *-ти*, *-ть* в основной массе русских инфинитивов; **вариант з)** «мягкое» цоканье в формах по варианту **е)**; **вариант и)** «восстановление» корневого заднеязычного [к] или [г] с заменой закономерного для данных глаголов «окончания» *-чи/-чь* на «окончание» *-ти* по аналогии с инфинитивами всех прочих глаголов.

Интерес представляет тот факт, что каждый из предложенных вариантов «искажения» форм инфинитива глаголов с основой на заднеязычный согласный, характеризующих говоры русского языка в отличие от его литературной нормы, можно обнаружить в истории или в современном состоянии других славянских языков, причем не всегда это будут отклонения от литературной нормы.

Современный русский литературный язык сохраняет результаты палатализации заднеязычных в указанных глагольных формах. Единственное изменение, последовательно прошедшее во всех этих формах, — квантитативного характера: произошло сокращение, а затем отпадение конечного гласного: *печь*, *сечь*, *течь*, *мочь*, *беречь* и т.п. Редукция конечного *-и* в инфинитиве по памятникам русского языка фиксируется с XVI в. [16, с. 137—138].

В украинском и белорусском языках, выделившихся вместе с русским из единого древнерусского, дублетные варианты форм инфинитива прежних глаголов на **-kti*, **-gti* зафиксированы уже памятниками XVI—XVII вв. (в сравнении с другими языками — рано). См. формы *стерегти* и *пекти*, которые Г. П. Пивторак рассматривает как первые свидетельства изменений в данной сфере языка по украинскому типу (с обязательной формой любого инфинитива — на *-ти*), хотя допускает, что второй пример — графический вариант белорусского *пекці* (наряду с формами типа *бегчы*).

Под влиянием форм настоящего и прошедшего времени в исследуемых инфинитивах «восстанавливается» корневой согласный [к] или [г] (см. по этому поводу работы Е. Ф. Карского, Л. А. Булаховского, К. Дейны, Р. И. Аванесова, В. В. Масакиной, Ф. П. Медведева, Е. Ф. Мацкевич и др.).

В белорусском языке при «восстановлении» [к] и [г] в инфинитивной основе глагола сохраняется элемент инфинитива *-чы* (из *-чи*). Уже в памятнике 1-й половины XVII в. у А. Филипповича [4, с. 150] зафиксирована белорусская форма *одбъгчы*, а начиная с комедий XVIII в. подобные формы приобретают нормативный характер, ср. *patachczy*, *machczy* в [11, с. 279, 290].

Формы инфинитива, получившиеся в результате вышеуказанной аналогии (ср. русский диалектный вариант **ж**), стали нормой современного литературного белорусского языка: *магчы*, *легчы*, *берагчы*, *сцерагчы*, *запрагчы*. Правда, «восстанавливается» только звонкий заднеязычный [г] при сохранении исторически закономерного общевосточнославянского варианта без заднеязычного в «корне» у глаголов с основой на [к]: *пячы*, *сячы*, *цячы*, *таўчы*, *выпечы*.

В памятниках **украинского языка** периода XVI—XVII веков, по свидетельству Пивторак, употребляются формы анализируемых инфинитивов в трех разновидностях: а) исконно восточнославянские формы на *-чи*, б) аналогичные вышеназванным белорусским формы на *-гчи* (вариант *-кчи*, по утверждению Г. П. Пивторак, не зафиксирован) и в) вариант форм на *-кти*, *-гти*: *стеречи, печи... — выбегчи, помогчи, устерегчи... — постерегти, помогти, отстыкти, роспекти, запрягчи...* [16, с. 135]. В последнем случае (*постерегти, помогти...*) наблюдаем обобщение инфинитивной модели с *-ти*, распространение ее на указанный глагольный класс. Образование подобных форм, по мнению Ф. П. Медведева и других исследователей, было поддержано общезыковой тенденцией к выравниванию форм инфинитива в целом: *віз — везти, ніс — нести* (состав согласных в корне одинаков), под влиянием этих парадигм получаем и *міг — могли, пік — пекти* [14, с. 226].

В современном украинском литературном языке глаголы рассматриваемого класса имеют только один способ оформления инфинитива — на *-кти*, *-гти* (не смешивать с этимологическими формами на **-кти*, **-гти*; в данном случае представлены **специфически украинские** формы, отобранные языком в результате долгой истории его развития): *втекти, сікти, товкти, пекти, волокти, лягти, розпрягти, берегти, стерегти* и пр.

По говорам сохраняется и древнерусский вариант инфинитивов на *-чи*, иногда отмечается даже влияние этих древних форм на другие инфинитивные типы. Ср. *вітповічи* вместо *відповісти* и т.п., см. [1, с. 69].

Явления аналогичного плана, приводящие, однако, к иным результатам, наблюдаются также и в восточнославянских языках.

В указанном отношении особое внимание привлекают памятники **чешской письменности** XVII—XVIII веков (так называемый «послебелогорский период»), памятники, зарегистрировавшие начало многих процессов, характеризующих современный чешский язык и сыгравших большую роль в демократизации чешского литературного языка (вспомним сложнейшую ситуацию в стратификации вариантов чешского языка в наши дни [7; 8]).

Одно из таких явлений — фиксация отдельных инфинитивов на *-cti*, *-sti* (этимологически закономерных, типа *mosi*, *nésti*), получивших несколько неожиданную огласовку: *mosti* вместо *mosi*, *mécti* вместо *mésti*, *védsti* вместо *vésti* и т.п.

Примерами аномалий (в большинстве случаев уже с редуцией гласного *-i*) изобилуют тексты, отличающиеся подчеркнуто «народным» характером изложения: «Семь интерлюдий» В. Ф. Коцманека [24], анонимные «Послебелогорские народные драмы» [25], «Сатира на четыре сословия» [26], «Стихи о ремесле пряничников» [27]. В целом находим такие соответствия: *řícti* вместо *říci*, *pécti* вместо *péci*, *mécti* вместо *mésti*, *kládsti* вместо *klásti*, *vrsti* вместо *vrci*, *mosti* или *motci* вместо *mosi*, *védsti* или *védcti* вместо *vésti* и т.д. Подробный анализ материалов по чешскому языку см. в нашей диссертации [9].

Причиной появления подобных новообразований могло быть взаимное влияние двух разновидностей инфинитива, бытовавших в языке. Речь идет о двух количественно очень небольших структурных классах глаголов, отличающихся чрезвычайно частой употребляемостью. В глаголах на *-ci* (*péci*) и на *-sti* (*nésti*) происходит взаимная мена элементов основы инфинитива *-c-* и *-st-*, совмещение этих элементов. Кроме того, в глаголах на *-ci* (*péci*) элемент *-t-* мог появиться вследствие переосмысления структурного состава соответствующих форм глаголов обоих классов, в результате которого элемент *-t-* стал восприниматься говорящими как единственный и обязательный признак неопределенной формы. Таким образом, вследствие стихийного (или сознательного) желания говорящих устранить «недостаточность» форм типа *péci*, *mosi* возникли формы, подобные

вышеприведенным: $p\acute{e}c + t + i \rightarrow p\acute{e}cti$, $\acute{r}\acute{ı}c + t + i \rightarrow \acute{r}\acute{ı}cti$, $moc + t + i \rightarrow moci$, $t\acute{e}c + t + i \rightarrow t\acute{e}cti$. Аналогично могла появиться и форма $vrcti$, но в ней после присоединения элемента $-t-$ к последнему согласному в слове произошло упрощение возникшей при этом группы согласных путем утраты взрывного элемента в середине: $uvrc + t + i \rightarrow uvrci \rightarrow uvrtsti \rightarrow uvrsti$. Возможен и другой путь образования той же формы: путем замены компонента $-ci$ ($p\acute{e}ci$) компонентом $-sti$ ($n\acute{e}sti$).

Трансформация в глаголах на $-sti$ ($n\acute{e}sti$, $kl\acute{a}sti$, $v\acute{e}zti$) могла проходить также иначе. В указанных формах наблюдаем осложнение основы инфинитива конечным согласным основы настоящего времени, происходит своеобразное выравнивание основы инфинитива и настоящего времени: $kladu \text{ — } kl\acute{a}d + sti$, $vedu \text{ — } v\acute{e}d + sti \rightarrow v\acute{e}tsti \rightarrow v\acute{e}cti$, $vedu \text{ — } v\acute{e}d + cti \rightarrow v\acute{e}dcti$, $metu \text{ — } m\acute{e}t + sti \rightarrow m\acute{e}tsti \rightarrow m\acute{e}cti$.

Появившиеся таким путем новообразования поддерживались наличием в языке инфинитивов на $-ci$ без элемента $-t-$ ($p\acute{e}ci$) и инфинитивов на $-ti$ без элемента $-c-$ ($n\acute{e}s-ti$, $posi-ti$).

Такие формы инфинитива (главным образом на $-ct$) широко используются в современном чешском языке, характеризуя его отдельные диалекты и его важнейший компонент — народно-разговорную речь [19, с. 387, 389; 21, с. 12]. Хотя подобные примеры (инфинитив на $-ct$) в изобилии представлены в произведениях современных чешских писателей, для официально-письменного литературного чешского языка (*spisovná čeština*) указанные формы, по мнению многих образованных носителей чешского языка, все еще остаются нежелательными.

Словацкий язык (наиболее близкий к чешскому) в качестве литературного «официально» существует лишь с самого конца XVIII века: в 1790 году А. Бернолак [23] осуществил первый опыт кодификации словацкого языка. К этому времени многие изменения в фонетическом строе и в морфологической структуре языка уже прошли. В частности, интересующие нас формы инфинитива глаголов с основой на заднеязычный последовательно фиксируются с «окончанием» $-c'$. Типичное $-t'$ было перенесено на глаголы данного класса ($p\acute{e}ci$, $moci$) по аналогии с прочими инфинитивами: $rom\acute{o}c'$, $piec'$, $tiect'$, $vliect'$, $obliec'$. В современном литературном словацком языке суффикс $-t'$ является показателем неопределенной формы глагола независимо от класса, к которому этот глагол принадлежит: $posit'$, $vediet'$, $niest'$, $piec'$.

Данное языковое явление — повторяющиеся от языка к языку разные варианты оформления инфинитива глаголов с основой на заднеязычные согласные — представляет собою чехословацко-восточнославянскую изоглоссу, первоначально проявившую себя, как показывают исследования Е. Ф. Карского, Р. И. Аванесова, Л. А. Булаховского, Ф. П. Медведева и др., на восточнославянском фоне, но в уже изолированных русском, украинском и белорусском языках (XVI—XVII века), а затем и в чехословацкой группе языков (к концу XVII века, как показывают обследованные памятники чешской и словацкой письменности, см. [9]). Прослеживается общая тенденция развития названных языков, противопоставляющая их южнославянским языкам и языкам польско-ляшской группы.

Семантическая квалификация конкурирующих форм инфинитива (вплоть до стабилизации их употребления) различна в силу того, что использование их в разных стилях речи, в разных речевых и ситуативных контекстах обеспечивает дополнительные оттенки значения (объективного и, чаще, субъективного плана), передачу дополнительной информации.

В восточнославянских языках это факты истории, сыгравшие определенную роль в выделении украинского языка, а затем резко противопоставившие русский язык украинскому и белорусскому.

В чехословацкой языковой группе это одно из активных проявлений демократизации литературного языка, процесс, на данном этапе уже завершившийся в словацком языке и живой, наблюдаемый в наши дни — в чешском.

Для истории глагольных **классов** и **групп** в языках этот процесс важен в том отношении, что он приводит к растворению класса глаголов с основой на заднебный согласный, исторически выделившихся в особый тип, среди глаголов с формообразующим суффиксом *-ti (-ti)* в инфинитиве. Главная причина новообразований, приводящих к отклонению от «нормальных» форм на *-чь (-чы* в белорусском, *-сі* в чешском), заключается во взаимовлиянии двух разновидностей славянского инфинитива: на *-ть* (с вариантами) и на *-чь* (с вариантами). Происходит взаимное уподобление этих разновидностей инфинитива, наложение «окончаний» (ср. варианты *е* — *печти* и *д* — *петчи*), переосмысление структурного состава инфинитивов обеих разновидностей, в результате которого элемент *-ти* (и его варианты *-ть* и *-т*) стал восприниматься как **единственный и обязательный** признак формы инфинитива. В результате литературные украинский и словацкий языки имеют каждый единую для всех типов глаголов форму инфинитива. Здесь **процесс унификации форм завершен**, с полным исчезновением **особых** форм инфинитива; правда, тождества в протекании и результатах указанного процесса здесь не было: **словацкий язык** демонстрирует результаты взаимодействия **только форм инфинитива** (*réci ↔ posíti*, *résti* как *riest'* с сохранением *-c-* в «новой» форме); **украинский язык** избрал в качестве «последней» формы результат выравнивания основ инфинитива и настоящего времени, с «восстановлением» конечного согласного презентной основы в формах инфинитива и обобщением конечной морфемы инфинитива *-ти* (*пеку* → *пекти, носити*).

В **русском и чешском литературных языках** сохраняется архаический вариант различий (ср. рус. *носить* и *печь*, чеш. *nosit, péci*), однако русская диалектология представляет собой богатый материал отклонений от нормы (см. выше), а в чешском языке первоначально диалектные формы типа *rést* уже проникли в разговорную форму литературного языка, процесс относится к разряду живых в языке.

Современный литературный белорусский язык представляет переходную стадию (белорусский вариант процесса завершен только для глаголов с основой на звонкий заднеязычный [г], ср. *магчы*, но *пячы*).

Список использованной литературы

1. Бандрівський Д. Г. Говірки Підбузького району Львівської області. Київ, 1960.
2. Булаховський Л. А. З історичних коментаріїв до української мови. Інфінітив та супін // Мовознавство. 1951. № 2.
3. Граматыка беларускай мовы. Т. I. Марфалогія. Мінск, 1962.
4. Диарий А. Филиповича. Рукопись Государственного исторического музея.
5. Жилко Ф. Т. Говори української мови. Київ, 1958.
6. Здобнова З. П. Об особенностях глагольных форм в русских говорах на восток от Средней Вятки // Материалы по диалектологии. Казань, 1955.
7. Изотов А. И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2013. № 1. С. 52—60.
8. Изотов А. И. Обиходно-разговорный чешский язык — химера или реальность? // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 69—72.
9. Изотова-Шулико И. С. Продуктивные и непродуктивные классы глаголов в истории чешского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
10. Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956.
11. Комедия К. Морашевского // Известия отделения русского языка и словесности. 1911. Т. XVI. Кн. 3.
12. Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1954.

13. Масыкина В. В. Глаголы с основой на заднеязычный согласный в истории русского языка и его диалектах : автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1956.
14. Медведев Ф. П. Нариси з української історичної граматики. Харків, 1964.
15. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
16. Півторак Г. П. Історія білоруських інфінітивів типу пячы, берагчы на східнослов'янському тлі // З історії української та інших слов'янських мов. Київ, 1965.
17. Русская грамматика / ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980.
18. Славянские языки / ред. А. Г. Широкова, В. П. Гудков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977.
19. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. М., 1950.
20. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
21. Широкова А. Г. К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью // Славянская филология. М., 1954. Вып. 2.
22. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954.
23. Bernolak A. Grammatica Slavica. Preßburg, 1790.
24. Kocmánek V. Fr. Sedm interludií. Praha : NČSAV, 1953.
25. Lidové drama pobělohorské. Praha : ČSS, 1951.
26. Satira na čtyři stavy. Praha, 1958.
27. Živá díla minulosti. Verše o perníkářství. Praha : SNKLU, 1964.

Поступила в редакцию 25.05.2015 г.

Изотова Инна Степановна, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет
Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 51
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

UDC 811.16+81'367.625.4

I. S. Izotova

History of Common Slavic infinitives *pěktēi, *mōgtēi in Slavic languages: A Czechoslovak-East Slavic isogloss

According to the data presented in the article, the consideration of dialect material enables us to take into account the results of some processes, which have not found reflection in the corresponding standard Slavic languages and to construct the isogloss uniting Eastern Slavic dialects with some West Slavic ones, that diverged more than a thousand years ago. Russian dialects manifest all possible variants of endings corresponding to the Common Slavic endings of infinitives of the type *pěktēi, *mōgtēi.

Key words: infinitive, standard language, dialect, Russian, Belarusian, Ukrainian, Czech, Slovak.

Izotova Inna Stepanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology
Russian Federation, 119991, Moscow, GSP-1, 1-51 Leninskiye Gory, 1 Humanities Building
E-mail: a.i.izotov@mail.ru